

© М.Л. Бутовская, Е.Л. Луценко, К.Е. Ткачук

БУЛЛИНГ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И ЕГО СВЯЗЬ С ЧЕРТАМИ ЛИЧНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ*

Ключевые слова: буллинг, травля, агрессия, младший школьный возраст, личностные черты, атмосфера в семье

Феномен буллинга – травли, запугивания и третирования других (чаще всего, более слабых) членов коллектива – в последние десятилетия стал объектом детального изучения антропологов, психологов, этологов, социологов. В статье показана распространенность этого явления в человеческих обществах. Цель данного исследования – анализ буллинга как социокультурного феномена и выявление особенностей травли в коллективах младших школьников. Авторы приходят к выводу, что все дети 8–10 лет умеют пользоваться средствами буллинга, но настоящими буллерами являются лишь около 13% из них. Наибольшее распространение в этом возрасте (порядка 40%) имеют вербальные издевательства – как наиболее безопасные и остающиеся безнаказанными для буллера; на втором месте (около 20% каждый) стоят физическая агрессия и моральное подавление; на последнем месте (около 15%) – запреты и ostracism, требующие для своей реализации коллективных согласованных действий. Делается вывод о том, что разработка действенных мер борьбы с этим явлением требует активного участия антропологов и хорошего знания социокультурного контекста.

Введение

Явление травли, запугивания и третирования других (чаще всего, более слабых) членов коллектива стало объектом детального изучения антропологов, психологов, этологов, социологов, криминалистов, юристов и специалистов других областей знания относительно недавно (*Olweus* 1980, 1993; *Smith, Sharp* 1994; *Smith, Brain* 2000). До этого феномены травли попадали в категорию агрессивного поведения или анализировались психологами и психиатрами как проявление садистического поведения. Однако данные антропологов, историков и культурологов изобилуют описаниями травли, из которых отчетливо видно, что данное поведение практикуется в обществах с выраженной иерархией, и его характерной чертой является невозможность жертвы апеллировать за помощью к третьим лицам. На сегодняшний день общепринятым международным термином, обозначающим это явление, стало понятие “буллинг” (*bullying*) – от англ. *bully*, что в переводе означает “запугивать, задирать, изводить” (Словарь... 1987). Буллинг определяют как физическую, вербальную или психологическую агрессию (нападение) с целью нанести вред жертве, запугать ее и (или) стрессировать.

Марина Львовна Бутовская – профессор, д. и. н., заведующая сектором кросс-культурной психологии и этнологии человека Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: marina.butovskaya@gmail.com

Елена Львовна Луценко – доцент, к. психол. н., доцент кафедры прикладной психологии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Украина); e-mail: lelu@list.ru

Карина Евгеньевна Ткачук – магистр психологии Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Украина); e-mail: tkachukkarina@gmail.com

* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 10-06-00010 “Поведенческие, морфофизиологические и генетические составляющие агрессивного поведения человека (с учетом культурного и экологического контекста)”.

ровать (*Olweus* 1993). Важными индикаторами буллинга является дисбаланс в статусе агрессора и жертвы, направленность издевательств от более доминантного индивида к более подчиненному, а также регулярность агрессивных действий во времени (*Farrington* 1993). Объектом травли становятся в первую очередь дети, отличающиеся от большинства одноклассников своей внешностью (антропологические особенности, акцент или дефекты речи, отличия в одежде или поведении), слабые и не способные за себя постоять (*Бутовская и др.* 2007).

Неверно было бы думать, что буллинг – явление, характерное лишь для современного общества (хотя именно здесь оно достигает невиданного размаха). Типичным проявлением травли являются многократно описанные в научной и художественной литературе примеры издевательств хозяина над рабами (древний Рим) или крепостными (Россия XVIII–XIX вв.), свекрови над невесткой, над падчерицей (Китай, Корея, Россия, Япония, арабские страны). Травля младших школьников старшекласниками, по описаниям Рут Бенедикт, была распространенным явлением в японских школах первой половины XX в. (*Бенедикт* 2004), и, по всей вероятности, буллинг в японских школах широко распространен и в наши дни. Одна из наших коллег, по долгу работы несколько лет проведшая в Японии с дочкой-школьницей, в деталях повествовала о различных изощренных издевательствах со стороны одноклассников-японцев. Единственной причиной, породившей такого рода агрессивное поведение, была инакость девочки, ее внешнее отличие и слабое владение японским языком. Недавнее кросс-культурное исследование, проведенное в Италии, Испании, Португалии, Великобритании и Японии, указывает на культурную специфику отнесения конкретных форм поведения детей и подростков к категории буллинга (*Smorti et al.* 2003).

Об актуальности данной проблемы для России одним из первых заговорил И. Кон в статье “Что такое буллинг и как с ним бороться” (*Кон* 2006). Несколько позднее детальный анализ этого феномена в российской школе по воспоминаниям бывших агрессоров и жертв был представлен В. Вишневской и М. Бутовской. Они показали, что наиболее распространенный возраст жертвы для школьников обоего пола – 13–14 лет, но у мальчиков высокий уровень травли сохраняется до 16 лет (что, видимо, связано с интенсификацией отношений доминирования в этот период), а у девочек к этому возрасту уровень насилия падает (*Вишневская, Бутовская* 2010).

Буллинг может быть проявлением различных видов агрессии, но в значительном проценте случаев он ближе к косвенной, чем к прямой форме. Скорее всего, именно поэтому он так долго ускользал из поля зрения исследователей агрессии, ведь прямая агрессия видна всем, социально осуждаема и ею занимаются соответствующие органы, начиная от инспекций по делам несовершеннолетних и заканчивая системой исполнения наказаний. Результаты же косвенной агрессии жертве не всегда удается доказать – агрессоры могут ее отрицать (говорить, что ничего не происходит, обиженный просто мнительный или сам ее спровоцировал и т.п.), выдавать за что-то другое (случайность, ошибку самого потерпевшего и т.д.), скрывать свою причастность к ней. Буллинг направляется на наиболее личные уязвимые места жертвы, и поэтому серьезность наносимого ущерба трудно объяснить посторонним. Например, агрессор, обладая соответствующей информацией, может испортить недорогую по цене, простую, но индивидуально значимую для жертвы вещь, или придумать с виду не слишком оскорбительное прозвище, которое будет больно задевать именно данного индивида. Если третируемый буллерами пожалуется старшим, то ему, скорее всего, скажут: “Не обращай внимания, это мелочи, есть более серьезные проблемы”. Для жертвы объяснить, почему эти задирания были настолько значимы – это открыть интимную информацию о себе контролирующим органам, т.е. еще раз “подставиться” (*Вишневская, Бутовская* 2010; *Филд* 2005).

Явление буллинга может встречаться в группах, состоящих из представителей любого возраста. Травля отдельных членов взрослых коллективов получила в западной

психологии название “буллинга на рабочем месте” (Филд 2005). Анализ рабочей атмосферы на норвежских предприятиях позволил Ларсу Хейге с соавторами выделить основные факторы, провоцирующие буллинг на рабочем месте (Hauge et al. 2007). К их числу отнесены: жесткий деструктивный стиль руководства, невмешательство непосредственного начальника в конфликты подчиненных, плохая общая организация работы и постоянный стресс. В фильме “Страх и трепет” режиссера Алена Корно по одноименному автобиографическому роману Амели Нотомб исключительно ярко показано это явление в контексте жесткой иерархии трудового коллектива в одной из японских фирм глазами европейской девушки-переводчицы.

Специфические особенности буллинга, в отличие от других проявлений агрессии, заключаются в отсутствии явных причин для конфликта, его пролонгированности по типу систематического преследования, изощренности используемых средств, сокрытия агрессором или группой происходящего от общественных органов, способных повлиять на ситуацию. Наиболее тяжелые и жестокие формы буллинга в наши дни наблюдаются в условиях заключения, армейских формирований и интернатов (Банников 2002; Ireland 2005; Ireland et al. 2007).

Априори можно выделить некоторые разновидности буллинга по типам жертв и агрессоров, а также по целям, достигаемым этой формой поведения ее инициаторами. Буллинг высокоагрессивных, “толстокожих” членов группы по отношению к неагрессивным, астеничным, ранимым членам является для первых легким и безопасным способом привлечения к себе внимания, подчеркивания своей власти, т.е. повышения социального статуса по принципу силы, агрессивного доминирования (Craig et al. 2000). Буллинг ординарных личностей по отношению к неординарным направлен на дискредитацию выгодных отличий неординарных личностей, удаления их из центра внимания группы. Буллинг нормативных личностей по отношению к отклоняющимся или уклоняющимся от соответствия социальным нормам выполняет функцию поддержания нормативного порядка, принятого внутри данной группы, и повышения групповой сплоченности. Буллинг в целях достижения успеха в конкуренции за привлекательного партнера или за ценные ресурсы может инициироваться личностями, обладающими выраженным макиавеллиевским интеллектом¹, по отношению к более прямолинейным и честным членам группы.

Важно отметить, что жертвами буллинга преимущественно становятся индивиды-одиночки, не имеющие в группе близких друзей и поддержки со стороны более сильных и высокостатусных членов коллектива (Pellegrini et al. 1999; Smith, Brain 2000). В этом обстоятельстве мы видим одну из причин, по которым буллинг получил столь широкое распространение там, где социальные объединения формируются из неродственных индивидов, при этом объект постоянной агрессии не имеет возможности покинуть группу (тюремные, армейские коллективы, интернаты, школы).

Буллинг оказывает травмирующее воздействие на жертву, и этот эффект усиливается благодаря тому, что травля часто остается незамеченной учителями и родителями, а жертва ощущает свою незащищенность (Fekkes et al. 2006). Результатом является эмоциональная дестабилизация и деморализация личности. Включаются защитные механизмы поведения, отвлекающие жертву от основной деятельности (учебы, работы, построения отношений). Хронический стресс ведет к ослаблению жертвы как реального или потенциального конкурента вплоть до физического устранения (через болезнь, суицид или уход из группы). Болезненность переживания буллинга для его объектов заключается в том, что если этот процесс активно или пассивно поддерживается группой, то он является формой группового остракизма, лишения социальной и физической поддержки, “изгнания из племени”, что в эволюционном прошлом человека было практически равносильно смерти.

Проявление буллинга в группах среднего и старшего подросткового возраста более объяснимо с точки зрения преобладания в этом возрасте у детей ориентации на

поведение и мнения ровесников и снижения авторитета взрослых – семьи, педагогов (Божович 2001). Однако буллинг наблюдается и в дошкольном и младшем школьном возрасте (Вишневская, Бутовская 2010), что, видимо, может объясняться формированием социальной иерархии в детском саду в процессе конкуренции за лучшие игрушки, игровое место, ролевую позицию в игровой деятельности, а в младшей школе – за помощь в учебной деятельности, симпатии учителей и популярных ровесников, атрибуты обмена и дележа. В возрасте 5–7 лет дети уже умело практикуют стратегии агрессии, примирения, вмешательства в агрессию на стороне агрессора или жертвы, а также манипулируют поведением сверстников (Butovskaya et al. 2000).

Несомненно, что важным фактором, ассоциированным с вероятностью буллинга, выступает семья и психологическая атмосфера в семье. Факторами риска являются: отсутствие отца, депрессивное состояние матери, насилие в семье (Baldry, Farrington 2000; Connolly, O'Moore 2003). Дети привыкают вести себя агрессивно в направлении более слабых, наблюдая повседневную жизнь своей семьи (Patterson et al. 1989). Зачастую буллерами являются дети, которых родители учат вести себя доминантно, подавлять других и отстаивать свои интересы (Demaray, Malecki 2003). Дети, страдающие от родительской жестокости и психопатии, брошенные, лишенные материнского тепла и ласки, также часто становятся агрессорами (Loeber, Tengs 1986). Как пишет ведущий специалист по буллингу Дан Ольвеус, “маленький мальчик, не получавший любви и ласки от матери, но имеющий большую свободу вести себя как ему пожелается, не обремененный ясными представлениями о нормах и правилах применения агрессивного поведения, имеет большие шансы превратиться в агрессивного подростка” (Olweus 1980: 657). Одна из причин значительного распространения буллинга в современных школах – автономизация малой семьи в рамках общества, резкое падение рождаемости, когда в среднем на семью приходится по двое и менее детей. В обществах с разветвленной сетью родственных связей в пределах одной школы часто обучаются близкие и более дальние родственники разного возраста, и издевательство над одним из них становится крайне затруднительным, поскольку за жертву тут же вступается вся родня.

Первая национальная программа по предотвращению и нейтрализации буллинга была разработана и применена в Норвегии в 1983 г. На ее основе в дальнейшем была создана усовершенствованная, более эффективная программа (Olweus 1991): после обучения школьников приемам вмешательства в травлю буллинг сократился наполовину. В этот же период антибуллинговые программы стали разрабатываться и в других странах мира (преимущественно в Европе), тогда как в США исследователи продолжали концентрироваться на разработке программ по профилактике агрессивного поведения в школе.

Результаты практических тренингов, проводившихся в английских школах Хелен Куви с соавторами, свидетельствуют, что в тех случаях, когда у жертвы обнаруживается защитник среди одноклассников, травля практически всегда прекращается (Cowie 2000). К аналогичным выводам пришли и мы в предыдущей работе (Вишневская, Бутовская 2010). Наиболее полная информация о 13 программах, разработанных в 11 странах мира, была представлена в книге Питера Смита с соавторами (Smith et al. 2004). Мета-анализ 53 антибуллинговых школьных программ, проведенный Марией Ттофи и Дэвидом Фаррингтоном (Ttofi, Farrington 2011), свидетельствует в целом об их эффективности: снижение буллинга на 20–23% и виктимизации на 17–20%. Максимальная эффективность достигается при одновременной работе с буллерами, жертвами и третьими лицами (наблюдателями). Авторы приходят к выводу, что для успешной борьбы с буллингом важно не только проводить тренинги среди школьников, но и разяснительную работу среди учителей и родителей.

Цель данного исследования – выявление особенностей травли в младшем школьном возрасте (8–10 лет), их связи с личностными характеристиками буллеров и семейной ситуацией последних.

Выборка и методы исследования

Данное исследование носит пилотажный характер и размеры выборки невелики: 30 учеников 4-го класса средней общеобразовательной школы г. Харькова. Возрастной диапазон исследуемых – 8–10 лет. В выборке – 15 девочек и 15 мальчиков, однако в силу ее малой численности ниже мы не анализируем возможные гендерные различия.

В литературе отмечается, что личностными особенностями, ведущими к проявлению агрессивных реакций, часто становятся тревожность и агрессивность, а ситуационными – негативный семейный климат (*Бэрон, Ричардсон* 1997). Именно этим переменным и уделено основное внимание в предлагаемом анализе полученных результатов.

Исходя из целей данной работы, акцент был сделан не на методы этологического наблюдения, а на психологические методики, поскольку именно они позволили нам оценить реальные представления и установки детей в отношении травли сверстников. В связи с тем, что дети младшего школьного возраста могут испытывать утомление от значительного числа вербальных вопросов, а также скрывать вышеупомянутые особенности личности и семейной ситуации, в нашем исследовании наряду с вербальной анкетой были использованы проективные рисуночные психодиагностические методики и ситуационный тест на склонность к обману. Нами было использовано пять психодиагностических методик:

1. Разработанная авторами анкета на выявление склонности к детскому буллингу для предъявления ученикам и классному руководителю.

2. Проективная методика для диагностики школьной тревожности А.М. Прихожан (*Прихожан* 2002). Методика содержит два набора картинок (для девочек и мальчиков), на которых изображены характерные для младших школьников ситуации, при этом у героев лица не нарисованы. Ребенку требуется дорисовать лица и объяснить причины таких рисунков. Общий уровень тревожности вычисляется по “неблагополучным” ответам испытуемых, характеризующим настроение ребенка на картинке как “грустное”, “печальное”, “сердитое”, “скудное”.

3. Проективная методика “Кактус” М.А. Панфиловой для выявления состояния эмоциональной сферы ребенка, в частности выявление наличия агрессии (*Панфилова* 2001). Ребенку предлагается нарисовать кактус, и по количеству, длине и расположению иглок оценивается степень агрессивности ребенка.

4. Модифицированный ситуационный тест на склонность к нечестности, хитрости “Задача с кругами” по модели ситуационных тестов Хью Хартшорна, Марка Мэя с сотрудниками из программы “Исследования воспитания характера” (*Анастаси, Урбина* 2003: 493). Тест построен на задаче с закрытыми глазами поставить фломастером метки в расположенных перед ребенком бумажных кругах. Принцип тестирования состоит в том, что детям позволялось схитрить (подсмотреть), не боясь быть разоблаченными. Контрольный эксперимент с плотно завязанными глазами выявил реально возможное число попаданий, больше которого попасть можно только при подсматривании. Чем выше число попаданий в тестировании с возможностью подсматривать – тем больше склонность ребенка к обману.

5. Проективная методика “Три дерева” Эдды Клессманн для диагностики внутрисемейных отношений (*Обухов* 1997). Ребенку предлагается цветными карандашами нарисовать три дерева, а затем сравнить их с членами своей семьи. Методика выявляет паттерны семейных взаимоотношений, например семейную тревожность, эмоциональную близость, лидерство, проблемность отношений с отдельными членами семьи и т.д.

Для количественной обработки данных использовался частотный анализ встречаемости проявлений переменных и корреляционный анализ Спирмена. Обработка проводилась с помощью программ Microsoft Excel и Statistica.

Результаты и обсуждение

Проявление буллинга в коллективе младших школьников. Сложность исследования феномена буллинга состоит в его явной социальной нежелательности, ведь даже самые маленькие дети понимают, что обижать других – плохо. Для этого детям предлагалось рассказать о практикуемых ими агрессивных паттернах в виде способов постоять за себя, наказать “плохого” и выразить свою антипатию. Такая форма вопроса не вызывала тревогу разоблачения, а наоборот – предоставляла возможность выразить свою агрессивность и даже похвастаться ею в социально приемлемой форме.

Анкета под названием “Вопросы по умению дружить и постоять за себя” имела два блока по 16 пунктов. Общий вопрос к первому блоку “Как ты можешь отблагодарить ученика, который тебе нравится, ведет себя хорошо?” предполагал задачу отметить те пункты, которые ребенок обычно применяет в данной ситуации: “подарить понравившуюся ему вещь”, “угостить шоколадкой или булочкой”, “одолжить денег”, “помочь с уроками”, “дать списать”, “поменяться игрушками”, “поменяться наклейками”, “пригласить погулять после уроков”, “поделиться карандашом, линейкой, ручкой”, “пригласить в гости”, “пригласить на свой день рождения”, “подарить свой рисунок”, “помочь в трудную минуту”, “поделиться своим секретом”, “защитить, когда его ругает учитель”, “выучить и рассказать ему на день рождения стихотворение”.

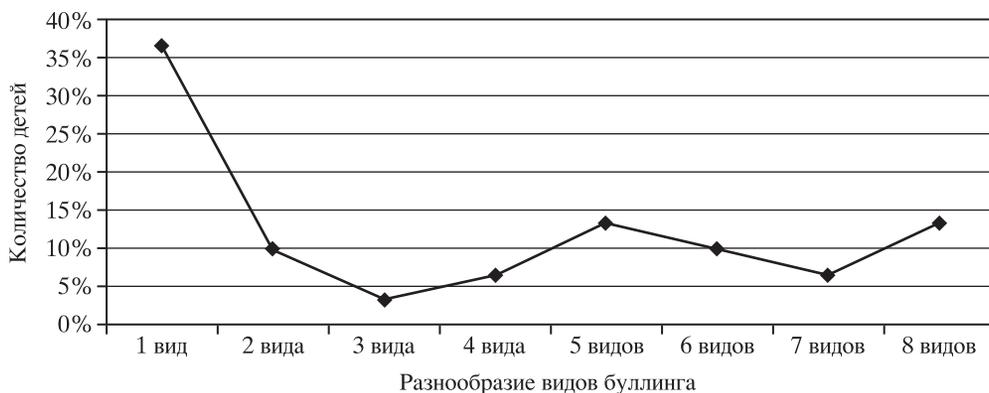
Эта часть анкеты не обрабатывалась, так как имела маскировочное значение, компенсирующее социально нежелательное значение второй части анкеты.

Вторая часть включала вопрос “Что ты можешь сделать ученику, который тебе не нравится, ведет себя плохо?” и варианты ответов: “придумать дразнилку”, “придумать кличку”, “придумать насмешку”, “придумать розыгрыш”, “подшучивать над ним”, «придумывать “приколы”», “придумывать издевательства”, “можешь плюнуть на него”, “можешь ударить его”, “можешь спрятать его вещь”, “не пустить его играть с вами на перемене”, “не разговаривать с ним”, “говорить ему о том, что он плохой”, “побить его”, “сказать ему о том, что он не достоин того, чтобы с тобой общаться”, “не давать ему общаться с другими детьми”. Эти 16 пунктов образовывали 4 общих категории буллинга: 1) вербальные издевательства (дразнилки, клички, шутки, “приколы”); 2) физические издевательства (удары, плевки, порча вещей, избиение); 3) моральное подавление (насмешки, розыгрыши, издевательства, критика); 4) запреты и игнорирование (бойкотирование, запрещение общаться с собой и другими, исключение из игр), частота которых подсчитывалась. Таким образом выявлялся обобщенный и индивидуальный набор используемых средств буллинга.

Все дети отметили, что применяют хотя бы один из предложенных 16 способов травли. Максимально школьники отмечали у себя до 8 разных проявлений буллинга, т.е. половину из перечисленных в анкете. Мы предполагаем, что чем более разнообразен у исследуемого арсенал используемых средств буллинга, тем чаще он их применяет, так как владение таким оружием требует практики в его использовании – не каждый может сходу придумать кличку, насмешку, розыгрыш, способен ударить, плюнуть и т.п. Прямой вопрос о частоте использования этих средств уже наводит на подозрение о потенциальных санкциях, и поэтому об их частоте можно судить только косвенным образом, через разнообразие используемых видов издевательства.

Распределение широты арсенала средств травли оказалось в исследованной группе неравномерным: большая часть детей – 36,7% – отметили у себя какой-то один из видов буллинга (эту категорию детей мы отнесли к неагрессивным), 3,3% детей использовали арсенал из 3–4 видов буллинга (“слабоагрессивные”), по 13,3% учеников использовали 5 и 8 видов буллинга (“средне-“ и “высокоагрессивные”) (Рис. 1).

Таким образом, хотя общая картина, полученная нами, выглядит в целом позитивно (большинство членов группы редко используют средства буллинга), все же около 13% детей активно пользуются буллингом для достижения своих целей.

Рис. 1. Количество школьников с различным арсеналом средств буллинга

Анализ распространенности типовых видов буллинга согласно выделенным нами категориям (по 4 пункта приходилось на вербальные, физические издевательства, моральное подавление и запреты) показывает наибольшую распространенность словесных издевательств и наименьшую – запретов и остракизма (Рис. 2).

Вербальный буллинг превалирует, по-видимому, как наиболее безопасный и, соответственно, безнаказанный, а запреты и игнорирование менее распространены из-за того, что для их реализации нужна большая поддержка группы. Возможно, эти категории приобретают большее значение в старшем возрасте.

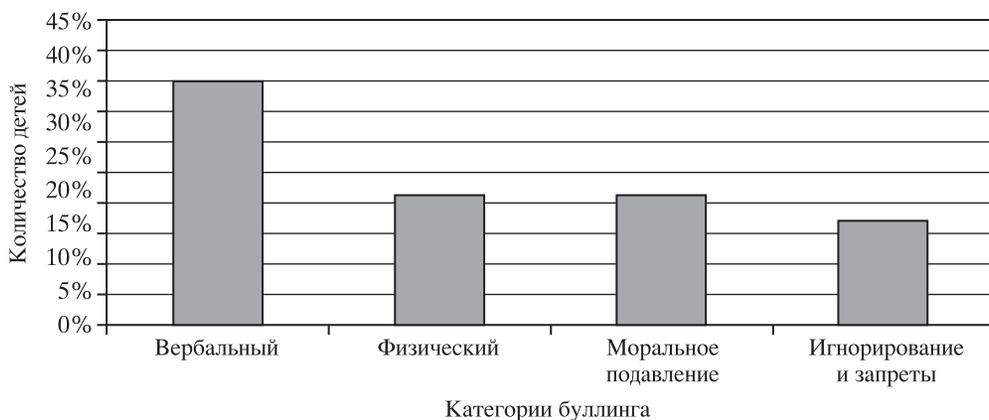
Не дал значимого результата поиск корреляции между собственной оценкой учениками приемлемости использования различных видов буллинга и оценкой участия конкретного ребенка в данном виде поведения классным руководителем: $r_s = 0,06$ при $p > 0,05$. Это можно интерпретировать как доказательство неведения воспитателя группы относительно того, какие из ее членов на самом деле являются активными буллерами. Эти данные могут также указывать на преимущественно скрытый характер буллинга как вида агрессивного поведения.

По нашим наблюдениям, агрессоры предпочитали действовать в момент, когда их не видно учителю, когда учитель отворачивался к доске или погружался в свои записи, тем самым провоцируя жертву на ответные действия, которые уже могут быть видны учителю. В результате для учителя ситуация выглядит как нарушение дисциплины со стороны жертвы, и именно жертва может вторично пострадать из-за наказания еще и со стороны учителя (двойной выигрыш для агрессора). Кстати, жертвы буллинга часто и сами не склонны сообщать классному руководителю или родителям о направленной на них травле в результате запугивания агрессорами, распространения ими негативных установок о позорности быть “ябедой”, “крысой”, “стукачом”, что согласуется с первым значением слова “буллинг” – “запугивание”.

Склонность к буллингу, личностные характеристики и семейная ситуация. В исследованной выборке обнаружены значимые положительные корреляционные связи между самооценкой по агрессии, тревожностью и склонностью к буллингу: $r_s = 0,54$ при $p = 0,002$ и $r_s = 0,41$ при $p = 0,025$ соответственно.

Ассоциация между агрессивностью и склонностью к буллингу вполне объяснима, поскольку травля являет собой эффективный способ реализации в поведении тенденции к немотивированной и/или инструментальной агрессии.

Интерес представляет связь между склонностью к буллингу и тревожностью. Ее можно объяснить, исходя из представлений об агрессивно-защитном поведении, при

Рис. 2. Распространенность разных категорий буллинга в коллективе младших школьников

котором субъект, ощущающий угрозу для себя лично и своей жизненной ситуации, переадресует тревожность в форме агрессии на другого, более слабого и беззащитного. У ребенка такая тревожность может порождаться неблагоприятной семейной ситуацией, так как именно семья в самом раннем периоде развития обеспечивает базовый уровень доверия к миру (Эриксон 1996: 346).

А.М. Прихожан в исследовании тревожности у детей и подростков выявила, что тревожность может «одевать маски» агрессивности, зависимости, апатии, чрезмерной мечтательности, лживости и лени (Прихожан 2001: 147). Автор отмечает, что агрессивно-тревожный тип может демонстрировать как прямую, так и косвенную агрессию. В частности, у девочек была замечена «сомнительная похвала», при которой, например, подругу как бы искренне хвалят, а реально похвала является порицанием, формой унижения и т.п. (Там же).

Более того, с нашей точки зрения, методика школьной тревожности А.М. Прихожан фиксирует не только «чистую» тревогу (когда выражения дорисовываемых лиц «грустные» и «печальные»), но и общий негативный эмоциональный фон ребенка (когда рисуются «сердитые» или «скучающие» лица), что может соответствовать переживаниям фрустрации. Связь фрустрации с агрессией, описанная в теории «фрустрации-агрессии» Джона Долларда, была подтверждена рядом экспериментов (Бэрон, Ричардсон 1997; Майерс 1998).

Школьная тревожность отдельных учеников может порождаться учебной неуспешностью и завистью к более успешным ученикам, которые могут создавать угрозу для статуса доминантных, но недостаточно когнитивно развитых детей. При тревоге наблюдается пониженный уровень серотонина в головном мозге, что в свою очередь коррелирует с агрессивным поведением, так как к эффектам серотонина относятся успокаивающее антитревожное и антиагрессивное действие (Черенкова и др. 2006; Rosenzweig et al. 2002). Унижая более одаренных и неординарных учеников, агрессоры уменьшают угрозу своему статусу, так как из-за невыносимых психологических условий родители часто переводят жертв буллинга в другой класс или школу, что может устранить тревогу агрессоров из-за статуса и восстановить уровень серотонина, свойственный высокостатусным лицам.

Далее мы проверили зависимость между особенностями семейной ситуации и склонностью к буллингу в нашей выборке. Между различными характеристиками

семейной ситуации и склонностью к буллингу обнаружена одна значимая положительная корреляция: связь между склонностью к буллингу и тревожностью в семье: $r_s = 0,41$ при $p = 0,02$.

Тревожность, выраженная в проективном рисунке семьи, свидетельствует, что ребенок по каким-то причинам беспокоится о своей семье, своем положении в ней, ее стабильности и надежности. Это может быть связано с семейным неблагополучием разного рода. Традиционными социологическими факторами, связываемыми с агрессивным поведением, являются родительское насилие, бедность, наркомания (Rosenzweig et al. 2002: 491).

Таким образом, было найдено еще одно подтверждение связи склонности к буллингу с тревожностью, теперь уже в отношении семейной ситуации. Полученные нами данные, казалось бы, противоречат сделанным в 1971 г. выводам Хола Денгеринка, показавшего обратную корреляцию между тревожностью и агрессивностью (цит. по: Бэрн, Ричардсон 1997: 194). Полученные расхождения в результатах, однако, можно объяснить анализом различных видов агрессивности и тревожности, использованных в нашем исследовании и в работе Х. Денгеринка. Например, Р. Бэрн и Д. Ричардсон отмечают, что в исследовании Х. Денгеринка была использована шкала, которая фиксировала скорее не личностную генерализованную тревожность, а тревожность, возникшую из-за возможности быть наказанным или получить неодобрение со стороны общества, что действительно сдерживает проявления агрессии (Там же).

Мы не выявили достоверной связи между нечестностью младших школьников, измеренной ситуационным тестом “Задача с кругами”, и склонностью к буллингу: $r_s = -0,067$ при $p > 0,05$. Это можно объяснить тем, что если личность склонна к хитрости и нечестности в ситуации, когда использование обмана приносит ей какие-либо выгоды без вреда для других (что и моделировалось в ситуационном тесте “Задача с кругами”), то она не обязательно способна к издевательствам над другими. Для использования средств буллинга, по-видимому, первично важной личностной предпосылкой является именно агрессивность, так как другим членам группы при этом наносится моральный и физический ущерб. Макиавеллизм предполагает не просто безобидный обман в целях личной выгоды, но и использование других без их желания как инструментов для достижения личных целей (манипулирование другими). Для доказательства гипотезы о связи между макиавеллизмом и буллингом требуется методика, измеряющая склонность детей этого возраста к “злостному”, а не “безобидному” обману, которая нам на сегодняшний день неизвестна, что обусловлено сложностью тестирования любых моральных категорий у человека (Анастаси, Урбина 2003: 554).

Заключение

Все школьники 8–10 лет умеют пользоваться средствами буллинга, хотя около 40% детей применяют его редко. В то же время часть детей – около 13% – активно используют буллинг. Наибольшее распространение (порядка 40%) имеют вербальные издевательства – как наиболее безопасные и остающиеся безнаказанными для буллера; на втором месте (около 20% каждый) стоят физические издевательства и моральное подавление; на последнем месте (около 15%) – запреты и игнорирование (остракизм), требующие для своей реализации коллективных согласованных действий. Оценки классного руководителя и самоотчеты учеников об использовании детьми различных видов буллинга не совпадают: зачастую воспитатель не замечает или неправильно интерпретирует травлю, которая скрывается как агрессорами, так и жертвами (в результате запугивания) и следы которой смешиваются с проявлениями открытых конфликтов и ответной агрессии. Склонность к буллингу оказалась связанной с личностными чертами агрессивности, тревожности и тревожностью относительно семьи. В отличие от логически объяснимой связи с агрессивностью прямая связь с тревожностью может

интерпретироваться как результат проявления компенсаторной агрессивности, позволяющей ребенку отреагировать защитным образом на проблемы домашней и социальной неудовлетворенности. Как показал Дитер Волке с соавторами (*Wolke et al.* 2000), дети, склонные к прямому буллингу, часто страдают синдромом гиперактивности, низкой социальностью и имеют проблемы в общении со сверстниками, тогда как буллеры, использующие не прямые тактики подавления и запугивания (макиавеллизм), характеризуются черствостью, низким уровнем сопереживания и холодным расчетом. Не подтвердилась гипотеза о связи склонности к буллингу и обмана. Возможная причина негативного результата в этом случае кроется в “безвредности” для других обмана, диагностируемого методикой “Задача с кругами”, в отличие от склонности к буллингу, при реализации которого ребенок осознает вред, наносимый другим.

Наше исследование, как уже говорилось, носило пилотажный характер и проведено с помощью психологических методик. Тем не менее, эти результаты можно интерпретировать с точки зрения общих представлений эволюционной психологии. По-видимому, можно полагать наличие определенной склонности к буллингу примерно у 13% детей в возрасте 8–10 лет. Такая поведенческая стратегия может давать определенные преимущества буллеру и даже обеспечивает ему определенный социальный успех. Однако до какой степени мальчик или девочка будут и далее использовать эту практику, зависит от окружающей социальной среды. Современное западное общество, включая российское, сегодня вплотную столкнулось с реальными проблемами школьного буллинга, и успешное решение проблемы зависит не только от практических разработок педагогов, школьных работников или психологов, но и от более глубокого понимания базовых эволюционно-психологических предпосылок данного феномена и особенностей социальной структуры конкретного общества.

Примечание

¹ В данной работе под этим понятием мы будем подразумевать способность индивида манипулировать поведением окружающих для собственной выгоды, способность хитрить и обманывать, подспудно навязывать другим свое мнение. В русле теории макиавеллиевского интеллекта, принятой в эволюционной психологии, увеличение размеров мозга у человека происходило как следствие “гонки вооружений” – ко-эволюции способностей читать мысли других и успешно обманывать (*Byrne, Whiten* 1988).

Источники и литература

- Анастаси, Урбина* 2003 – Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб., 2003.
- Банников* 2002 – Банников К.Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной Российской Армии. М., 2002.
- Бенедикт* 2004 – Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры. М., 2004.
- Божович* 2001 – Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Психология развития / Сост. и общая редакция: авторский коллектив сотрудников кафедры психологии развития и дифференциальной психологии СПбГУ. СПб., 2001. С. 227–272.
- Бутовская и др.* 2007 – Бутовская М.Л., Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. Взаимопонимание и толерантность в поведении детей и подростков в условиях многоэтничных школьных коллективов // Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности / Отв. ред. М.Ю. Мартынова, Н.М. Лебедева. М.: РУДН, 2007. С. 314–366.
- Бэрон, Ричардсон* 1997 – Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997.
- Вишневская, Бутовская* 2010 – Вишневская В.И., Бутовская М.Л. Феномен школьной травли: агрессоры и жертвы в российской школе // Этнограф. обозрение. 2010. № 2. С. 55–68.
- Кон* 2006 – Кон И.С. Что такое буллинг и как с ним бороться? // Семья и школа. 2006. № 11. С. 15–18.
- Майерс* 1998 – Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1998.
- Обухов* 1997 – Обухов Я.Л. Символдрама: Кататимно-имагинативная психотерапия детей и подростков. М., 1997.

- Панфилова* 2001 – *Панфилова М.А.* Игротерапия общения: тесты и коррекционные игры. Практическое пособие для психологов, педагогов и родителей. М., 2001.
- Прихожан* 2001 – *Прихожан А.М.* Формы и “маски” тревожности. Влияние тревожности на деятельность и развитие личности // Тревога и тревожность / Сост. и общая редакция В.М. Астапова. СПб., 2001.
- Прихожан* 2002 – *Прихожан А.М.* Проективная методика для диагностики школьной тревожности // Диагностика эмоционально-нравственного развития / Ред. и сост. И.Б. Дерманова. СПб., 2002. С. 47–60.
- Словарь... 1987 – Большой англо-русский словарь: в 2-х т. М.: Рус. яз., 1987. Т. I.
- Филд* 2005 – Буллинг. Офисные хулиганы: Интервью В. Кичкаева с основателем и генеральным директором компании The Field Foundation Тимом Филдом [Электронный ресурс] // Отдел кадров. 2005. URL: <http://psyfactor.org/lib/bulling.htm>.
- Черенкова и др.* 2006 – *Черенкова Л.В., Краснощекова Е.И., Соколова Л.В.* Психофизиология в схемах и комментариях / Под ред. А.С. Батуева. СПб.: Питер, 2006.
- Эриксон* 1996 – *Эриксон Э.Г.* Детство и общество. СПб., 1996.
- Baldry, Farrington* 2000 – *Baldry A.C., Farrington D.P.* Bullies and delinquents: Personal characteristics and parental styles // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2000. Vol. 10. Issue 1. P. 17–31.
- Butovskaya et al.* 2000 – *Butovskaya M.L., Verbeek P., Ljungberg T., Lunardini A.* Multicultural view of peacemaking among young children // Natural Conflict Resolution / Eds. F. Aureli, F. de Waal. Berkeley: University of California Press. 2000. P. 423–450.
- Byrne, Whiten* 1988 – *Byrne R., Whiten A.* Machiavellian Intelligence: Social Expertise and the Evolution of Intellect in Monkeys, Apes, and Humans. Oxford: Oxford University Press, 1988.
- Connolly, O'Moore* 2003 – *Connolly I., O'Moore M.* Personality and family relations of children who bully // Personality and Individual Differences. 2003. Vol. 35. Issue 3. P. 559–567.
- Cowie* 2000 – *Cowie H.* Bystanding or standing by: Gender issues in coping with bullying in English schools // Aggressive Behavior. 2000. Vol. 26. Issue 1. P. 85–97.
- Craig et al.* 2000 – *Craig W.M., Pepler D., Atlas R.* Observations of Bullying in the Playground and in the Classroom // School Psychology International. 2000. Vol. 21. No. 1. P. 22–36.
- Demaray, Malecki* 2003 – *Demaray M.C., Malecki C.K.* Perceptions of the Frequency and Importance of Social Support by Students Classified as Victims, Bullies and Bully-Victims in an Urban Middle School // School Psychology Review. 2003. Vol. 32. Issue 3. P. 471–489.
- Farrington* 1993 – *Farrington D.P.* Understanding and preventing bullying // Crime and justice / Eds. M. Tonry, N. Morris. Chicago, 1993. P. 381–458.
- Fekkes et al.* 2006 – *Fekkes M., Pijpers F.I.M., Verloove-Vanhorick S.P.* Effects of Antibullying School Program on Bullying and Health Complaints // Archives of Pediatrics and Adolescent Medicine. 2006. Vol. 160. No. 6. P. 638–644.
- Hauge et al.* 2007 – *Hauge L., Skogstad A., Einarsen S.* Relationships between stressful work environments and bullying: Results of a large representative study // Work & Stress. 2007. Vol. 2. Issue 3. P. 220–242.
- Ireland* 2005 – *Ireland J.* Psychological health and bullying behavior among adolescent prisoners: A study of young and juvenile offenders // Journal of Adolescent Health. 2005. Vol. 36. Issue 3. P. 236–243.
- Ireland et al.* 2007 – *Ireland J., Archer J., Power Ch.* Characteristics of male and female prisoners involved in bullying behavior // Aggressive Behavior. 2007. Vol. 33. Issue 3. P. 220–229.
- Loeber, Tengs* 1986 – *Loeber R., Tengs T.* The analysis of coercive chains between children, mothers, and siblings // Journal of Family Violence. 1986. Vol. 1. No. 1. P. 51–70.
- Olweus* 1980 – *Olweus D.* Familial and temperamental determinants of aggressive behavior in adolescent boys: A causal analysis // Developmental Psychology. 1980. Vol. 16. No. 6. P. 644–660.
- Olweus* 1991 – *Olweus D.* Bully/Victim problems among schoolchildren: Basic facts and effects of a school based intervention program // The development and treatment of childhood aggression / Eds. D.J. Pepler, K.H. Rubin. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1991. P. 411–448.
- Olweus* 1993 – *Olweus D.* Bullying at school: What we know and what we can do. Oxford: Blackwell Publishing, 1993.
- Patterson et al.* 1989 – *Patterson G.R., DeBaryshe B.D., Ramsey E.* A developmental perspective on antisocial behavior // American Psychologist. Vol. 44. Issue 2. P. 329–335.

- Pellegrini et al.* 1999 – *Pellegrini A.D., Bartini M., Brooks F.* School bullies, victims, and aggressive victims: Factors relating to group affiliation and victimization in early adolescence // *Journal of Educational Psychology*. 1999. Vol. 91. Issue 2. P. 216–224.
- Rosenzweig et al.* 2002 – *Rosenzweig M.R., Breedlove S.M., Arnold L.L.* Biological psychology: an introduction to behavioral, cognitive, and clinical neuroscience. Sunderland, MA: Sinauer, 2002.
- Smith, Brain* 2000 – *Smith P.K., Brain P.* Bullying in Schools: Lessons from two decades of research // *Aggressive Behavior*. 2000. Vol. 26. Issue 1. P. 1–9.
- Smith et al.* 2004 – *Smith P.K., Pepler D., Rigby K.* (Eds.). *Bullying in schools: How successful can interventions be?* Cambridge: Cambridge University Press. 2004.
- Smith, Sharp* 1994 – *Smith P.K., Sharp S.* *School bullying*. L.: Routledge, 1994.
- Smorti et al.* 2003 – *Smorti A., Menesini E., Smith P.* Parents' Definitions of Children's Bullying in a Five-Country Comparison // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2003. Vol. 34. No. 4. P. 417–432.
- Tofi, Farrington* 2011 – *Tofi M.M., Farrington D.P.* Effectiveness of school-based programs to reduce bullying: a systematic and meta-analytic review // *Journal of Experimental Criminology*. 2011. Vol. 7. No. 1. P. 27–56.
- Wolke et al.* 2000 – *Wolke D., Woods S., Bloomfield L., Karstadt L.* The Association between Direct and Relational Bullying and Behaviour Problems among Primary School Children // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2000. Vol. 41. No. 8. P. 989–1002.

M.L. Butovskaya, O.L. Lutsenko, K.E. Tkachuk. Bullying as a Sociocultural Phenomenon and Its Relation to Personality Traits among Younger School Children

Keywords: bullying, harassment, aggression, younger school children, personality traits, family atmosphere

Bullying – harassment, intimidation and maltreatment of other (in most cases, of the weaker) members of the collective – has become the object of close attention among anthropologists, psychologists, ethologists, and sociologists in the last decades. The article shows how widespread this phenomenon is in human societies. The goal of the study is the analysis of bullying as a sociocultural phenomenon and the examination of the specificities of harassment in collectives of younger school children. The authors argue that all children of 8–10 years old are able to employ bullying techniques, although some 13% of them can be considered real bullies. The most common at that age (about 40%) are verbal types of humiliation, as the safest ones that allow the bully to get away unpunished. After them there follow the physical aggression and the moral crushing (about 20% each). Prohibitions and ostracism, which require coordinated collective action, are at the last place (about 15%). The authors indicate that in order to work out effective measures against this phenomenon, a good knowledge of the sociocultural context and an active participation of anthropologists is necessary.